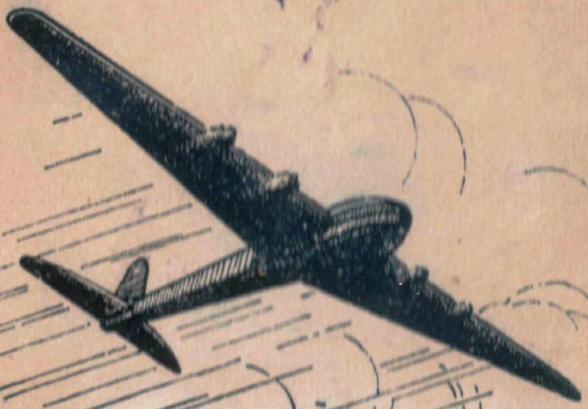


№ 2 (Об.)

ВЛ. ТОЛСТОЙ

69



**ЛЮДИ, КОТОРЫЕ
ЛЕТАЮТ**

P2 (обл.)
752

ВЛАДИМИР ТОЛСТОЙ

256644

ЛЮДИ, КОТОРЫЕ ЛЕТАЮТ

РАССКАЗЫ

Издание дополненное и исправленное

ПРОВЕРЕНО
1956

50076
ПРОВЕРЕНО 1938 г.

2-75

~~446 3135~~

ОРЕНБУРГСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
Оренбург 1937.

Оренбургская
областная библиотека
абонемент № _____

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ЛЕТАЛ

1

В 1915 году у русского воздушного флота оказалась нехватка в летчиках.

Лощенные русские пилоты, в бархатных шапочках «пирожком», в изящных курточках с котиковыми воротничками, не блистали особой выучкой в технике полета, а их бесшабашная удаля в первый же год войны привела к большой аварийности.

Недостача летчиков поставила царское командование в тупик. Нужно было отобрать армейских офицеров и в короткий срок обучить летать. Но офицеры нужны армии. Военные училища не успевали ускоренными выпусками пополнять корпус. Немецкие истребители и бомбовозы почти безнаказанно летали над русской территорией, разрушали мосты, артиллерийские склады, сеяли панику среди солдат. Русские генералы, оценивавшие перед войной авиацию как забаву, через год вопили в донесениях, требуя присылки летчиков.

И тогда царское командование, вынужденное отказаться от классового отбора в школы летчиков, отдало приказ:

«Отобрать желающих из лучших солдат, идеально здоровых, для ускоренного обучения полетам».

Но желающих не оказалось.

За год войны они достаточно насмотрелись на воздушные катастрофы, и самолет с ревущим мотором для них был страшнее артиллерийской канонады.

Вербовали насильно.

Восемнадцать солдат атлетического телосложения пригнали

в Гатчину и, как детей, оторопевших от невиданного зрелища, уговаривали подойти к машине поближе.

Через два месяца, едва овладевших техникой взлета, новоиспеченных летчиков разослали по фронтам. Старые пилоты смотрели на них, как на приговоренных к смерти. Но нужно было спешить выпустить на противника самолеты, нагруженные доотказа бомбами, нужно было сбросить их, а об остальном «отцы-командиры» не заботились. «Не велика беда, — говорили в штабе флота, — что новоиспеченные летчики не умеют посадить самолет. Пусть сбросят бомбы, а там, если захотят жить, — сядут».

И обреченные взлетали...

Так бросают неоперившихся галчат с высокого обрыва: они инстинктивно расправляют крылья, даже пытаются лететь, но они не умеют бороться с ветром, и, срываясь камнем вниз, они не знают, как выйти на линию прямого полета.

Многие из солдат-летчиков погибли в первый же день. Некоторым «счастливым» удалось сбросить бомбы на немцев и при посадках на аэродроме отделаться увечьями. Но один из них, бывший кузнец, солдат Мельник, отлично посадил самолет и вернулся на аэродром невредимым.

2

В 1925 году нас, группу молодых летчиков, по окончании школы назначили в Н-скую авиационную эскадрилью.

В этом краю летом что ни день, то отличная погода для полетов. Временно все мы поместились в общежитии возле аэродрома. На рассвете дежурный приносил кипяток, раздавались последние аппетитные побряхтывания, слышался шум из умывальной, посылались проклятья тесным сапогам, и комната оживала. Под громкие, добродушные разговоры и шутки быстро одевались. Летное обмундирование — шлем, очки, перчатки и кожаное пальто, отдававшее бензином, — вселяло бодрость. Часы показывали «три», со столиков схватывались приготовленные с вечера планшеты с картами, и летчики выбегали из общежития.

Люди спешили летать.

Так спешат на работу, так спешат на поезд. Все чрезвычайно просто и обыденно.

Мы спешим. Вот уже видны проволочные ограждения аэродрома, слышится шум моторов, чувствуется утренняя прохлада.

У ворот аэродрома все на минуту задержались для предъявления пропуска, и эта минутная задержка не только для меня, но, как я потом узнал, и для других товарищей была связана с неприятными переживаниями, которые рассеивались только тогда, когда мы приходили в ангары и расходились по самолетам.

Причиной был человек, сидевший на холмике у ворот аэродрома.

Я не помню такого дня, когда бы нам удалось прийти на аэродром раньше, чем он придет и сядет на свое постоянное место — на холмик, откуда он наблюдал за каждым взлетом и посадкой.

Это был коренастый, лет тридцати пяти, на редкость физически крепкий человек. На нем была старенькая куртка, и то, что она ему была тесна, еще больше подчеркивало его отлично развитые мускулы и широкую грудь. На тщательно выбритом лице резко выделялись скулы и большой открытый лоб.

На приветственные возгласы летчиков он отвечал обычно легким покачиванием головы и продолжал смотреть прямо перед собой, на оживавший аэродром. С первого же дня молодых летчиков охватывал интерес к этому человеку, о нем спрашивали, и, узнав его прошлое, никто не мог спокойно пройти мимо холмика, на котором он неизменно сидел.

Это был летчик Мельник.

Что же мешало ему слиться с веселой группой летчиков и пойти на аэродром?

Мешала доска. Обыкновенная доска, на которой крупными буквами написано:

„Посторонним вход на аэродром воспрещается“.

Мельник, известный всему воздушному флоту, непревзойденный летчик Мельник — был посторонним на аэродроме.

3

Если взять карту европейской части СССР и прочертить на ней маршруты полетов Мельника, то на карте останутся нетронутыми лишь Закавказье и Северная тундра. Во время войны, когда на какой-либо узловой станции встречались два

авиационных поезда, летчики и мотористы выскакивали из вагонов, приветствовали друг друга, целовались, делились пережитым, ошеломляя известиями о гибели близких людей. Тот сорвался в штопор и разбился вдребезги, того подбили над территорией противника, тот загорелся над аэродромом и на глазах у других в смерче черного дыма свалился на землю. К концу стоянки кто-нибудь из летчиков, соблазнившись условиями боевой работы в другой части, забирал свое барахлишко и вместе с самолетом и мотористом перебирался на другой поезд. Это делалось, разумеется, не самолично, а по соглашению между командирами частей.

Так нередко перебрасывался Мельник с фронта на фронт со своим неизменным Ньюпором. Он был избалован погоней командиров частей за ним. Перетянуть Мельника — значило обеспечить успех в боях. Мотив же для перехода из части в часть у Мельника всегда был один: «Не ценют, не дают пить».

Он был непревзойденным летчиком, отчаянным пьяницей и недурным скрипачом.

В его игре на скрипке не было ничего особенного, с такой игрой едва ли его приняли бы даже в захудалый оркестр, но после гула моторов, после пулеметной трескотни, в тишине, установившейся на минуты, даже самые простые музыкальные мотивы волновали одуревших в военном чаду людей.

На полевых концертах своей игрой на скрипке он развлекал бойцов.

Однажды утром, в день объявления концерта, кто-то сказал Мельнику, что в поселке Полежалово работает талантливый кустарь, скрипки которого славятся в Польше, и что даже из других стран от известных скрипачей присылают этому кустарю заказы на инструменты.

Мельник бегом отправился на аэродром, нашел своего моториста Шмулькова, приказал ему заправить машину и через полчаса улетел. Весть о том, что Мельник улетел за скрипкой в тыл к полякам мгновенно разнеслась по отряду.

Полежалово было в 75 верстах от фронта. В этом поселке месяц назад был Мельник с отрядом и не мог простить себе того, что не посетил мастера скрипок. Перелетев линию фронта, Мельник прошел минут двадцать над польской территорией и сел прямо на знакомую улицу деревни Полежалово.

Предусмотрительно не выключив мотора, оставив его на малом газе, Мельник забежал к мастеру скрипок.

— Дай, пане, лучшую скрипку и поскорей!

Старик-мастер, медленно оттянув очки на кончик носа, уставился на человека, свалившегося с небес.

— Пане, мне некогда, мне нужна скрипка, — и, не дожидаясь услуги мастера, Мельник подошел к столу и бережно, как дитя из люльки, вытащил новенькую скрипку из бархатного ложа.

Мастер завопил:

— Не може, пане! Лучше убей!

Но Мельнику было некогда. Он увидел в окно, как на краю деревни задымилась потревоженная пыль, выбежал на улицу, вскочил в кабину и, дав полный газ, пролетел над головами солдат мчавшегося к нему бело-польского кавалерийского эскадрона.

В тот же день, вечером, он забавлял бойцов игрой на скрипке, скрипке знаменитого польского мастера из деревни Полежалово.

4

Мельник вызывал у всех наблюдавших за его полетами небывалое восхищение. Слава о нем прошла по всем фронтам. О Мельнике знали и бело-польские летчики, и вряд ли кто из них искренно желал встречи с ним в воздухе.

Он не устрашал воздушного противника цветом своего Ньюпора, как это делал немец — барон Ридгофен, летавший на красной машине. Он был прост, но знал себе цену и о ней напоминал лишь тогда, когда был пьян, вернее, смешил всех своей неизменной жалобой: «Не ценют, не дают пить».

Пьяным он не летал и под «хмельком» даже не показывался на аэродром. С редкой любовью он относился к полетам, и кто его видел буйным за бутылкой водки, тот не узнавал его на аэродроме. С отеческой заботливостью он вместе с любимым своим мотористом Шмутьковым осматривал самолет, затем усаживался в него, и каждый раз, прежде чем взяться за ручку управления, от шлема до сапог обтирал себя широкими ладонями, как бы проверяя, не пристало ли что-нибудь

лишнее. Затем выпрямлялся, раза два повертывал голову и, убедившись, что все в порядке, кричал Шмулькову:

— Даешь!

Так обычно начинался каждый полет Мельника, так приступал он к выполнению боевых приказаний.

Много ярких страниц в историю нашего воздушного флота вписал Мельник своими боевыми полетами.

Его не останавливали туман и гроза. Он совершал полеты на изношенных самолетах со связанными веревкой лонжеронами, на машинах, которые иначе и не называли как «летающие гробы».

К моменту встречи в воздухе с лучшим бело-польским летчиком Войцеховским за Мельником числилось четыре сбитых им неприятельских самолета.

Бой был неравным. У Мельника было на исходе горючее и бодрость. Он до встречи имел уже два боевых вылета. У Войцеховского — лучший самолет и свежие силы.

На земле они слышали друг о друге и ждали встречи.

Возвращаясь с разведки и оглянувшись в последний раз в сторону Польши, Мельник увидел идущий за ним километрах в пяти неприятельский самолет. Автоматически, не считаясь с малым количеством бензина, Мельник развернулся в сторону к противнику и еще не успел выбрать крен машины, как был атакован снизу Войцеховским. Он узнал его по смелой и решительной атаке. Слева перед собой, в крыле, Мельник увидел беззвучно и молниеносно возникшие две пробоины.

Набирая высоту, Войцеховский готовился ко второй атаке. Мельник торопился опередить его. Но превосходство в скорости самолета позволило Войцеховскому вновь атаковать Мельника при наборе высоты. Под самым животом самолета Мельника он выпустил одну очередь из пулемета и свалился вниз для выхода из атаки.

Почти в одно мгновение боль в ноге и злоба заставили Мельника обрушиться (резким снижением с разворотом) на уходящего вниз Войцеховского. Неожиданно получив превосходство, нацеливаясь корпусом воющего от скорости самолета, Мельник выпустил десятка два патронов в спину снижавшегося противника.

Самолет Войцеховского перешел в штопор.

Выравнив свой самолет и развернувшись для того, чтобы

проследить за гибелью противника, Мельник был отвлечен перебоями в своем моторе.

— Надо тянуть к своим...

Хлопки все сильнее и сильнее. Мотор отработывал последние остатки бензина. Скорость меньше. Угол снижения больше. Глаза выискивают посадочную площадку, ловят отличительные признаки бело-польской и советской территории. И только тогда, когда убедился, что перетянул к своим, возбуждение пропало, почувствовал боль в ноге и усталость. Сел.

Вечером в крестьянской избе лечился у старухи самогоном и мазью из целебных трав. Приказал туго перетянуть рану и заснул.

К концу следующего дня моторист Шмульков привез бензин.

Перед вылетом Мельник вырвал из блокнота лист бумаги и, прикрывая рукой, написал несколько слов. Бумагу вложил в выпел. Взлетел. Набрал высоту и, к ужасу наблюдавшего с земли Шмулькова, обеспокоенного раной Мельника, полетел не на аэродром, а к противнику. Перед линией фронта резко снизился и пошел дальше, крадучись почти над самой землей.

Через час Мельник появился над аэродромом противника, на полных оборотах мотора развернулся над оторопевшими польскими летчиками, сбросил выпел и, скрывшись за курганами, умчался домой.

Польские летчики вскрыли выпел, прочли записку Мельника и не могли удержаться от восторга перед дерзостью красного асса.

В записке было:

*„Славному воздушному орлу Бойцеховскому
вечная память. Мельник“.*

5

Многое прощалось Мельнику в гражданскую войну. Прощалось и пьянство и своеволие. Слишком дорог был Мельник нашему крохотному тогда воздушному флоту.

Наступили мирные дни.

Крепла страна. Крепли воздушные силы, но Мельник не унимался. Трудно передать подробности его дебошей. В результате командно эскадрильи объявил о решении командую-

щего войсками Украины т. Фрунзе «уволить Мельника из армии».

Всю ночь Мельник просидел над письмом командующему.

„Дорогой товарищ Фрунзе!

Меня, красного орла, хотят посадить в клетку. Говорят мне, что ты приказал выгнать меня из армии, как я есть забудыга и пьяница.

Дорогой товарищ Фрунзе! Босьяк я. Что верно, то верно. Но прости ты меня, подлеца, потому что я не могу не летать. Слово я тебе даю, слово Мельника, что брошу пить. От ответа твоего решится моя судьба. Посылаю я тебе стакан и пулю. Стакан этот подлый, из которого я в последний раз пил, ты разбей собственноручно, а пулю эту ты мне пустишь в лоб, если я, сволочь, возьму другой стакан.
Мельник“.

Письмо это он писал сильно пьяным. Верил ли Мельник, что бросит пить, трудно сказать. В этот день он впервые, насколько помнят летчики, напился до бесчувствия. Его застали распластанным на столе, на котором лежало письмо, стояли две пустых бутылки. В правой руке Мельника был зажат стакан. Друзья этот стакан вместе с письмом и патроном зацаковали в посылку и, написав на ней:

*„Срочно. Командующему войсками
Украины и Крыма лично т. Фрунзе“*

отправили в тот же день.

6

Мельника простили.

Его оставили в армии, сделав последнее предупреждение.

Он крепился. Летал. Вечерами бродил из квартиры в квартиру, удивлял всех своей разговорчивостью. Сообщал о том, что решил заняться конструкторским делом и проектирует грандиозный двенадцатимоторный самолет.

В творческие силы Мельника никто не верил, над проектами его подсмеивались. Вскоре и он сам, слабо веривший в свою конструкторскую идею, перестал говорить о ней.

— Мельник, — говорил ему командир отряда, — пора тебе звеном командовать. Подчитал бы ты, подучился. Молодые летчики смотрят на тебя как на «бога», а у тебя ведь с дисциплиной слабо.

— Не могу! — отвечал Мельник. — Душа не лежит. Какая такая жизнь в рамках: того не моги, того не делай. Летчику это тяжело. Летчику свобода должна быть — как птице.

— Мельник, плохо ты смотрел на птицу. Пойди на голубиную станцию и посмотри на голубиный день. Ломать себя надо, Мельник. От всего этого гнилым старьем веет. Подумай, Мельник.

Случилось так, что на другой день командир отряда, говоривший с Мельником, во время учебного полета свалился в штопор и погиб, врезавшись в землю. Нет ничего обиднее катастрофы в мирных условиях. Тяжелой печалью одет был гарнизон и город.

К последнему рейсу командира на кладбище вышли все жители.

Под звуки оркестра медленно плыли колонны войск, кавалеристы сдерживали толпу, на крышах извивались фоторепортеры, там же грохотала по железу детвора, а впереди всех люди в кожаном несли своего командира. На крышке гроба лежали очки, перчатки, шлем — постоянные спутники летчика.

И вдруг на похоронную процессию сорвался с неба Мельник. Буквально над головами людей мелькнули колеса самолета, рев мотора заглушил оркестр. Вздогнули лошади, вскрикнули люди. Многие от страха попадали. Пролетая над гробом, он еще сильнее прижал самолет, как будто хотел умчаться с собой крышку. Испытанные люди в кожаном невольно опустились с гробом на колени.

Мельник взвился на 100 метров и сделал мертвую петлю.

Через минуту процессия пришла в себя. Вновь заиграли оркестры, и улица поплыла. Но Мельник не унимался. Он вновь глушил похоронные марши, прятался за домами, незаметно подкрадывался, коршуном срывался на гроб, в полметре от него вздымал вверх, распылил на крышах домов детвору, перепугал фотографов, балансировавших у самых желобов, петлил, кувыркался, сорвал колесами знамя с дома неполнительного комитета, вконец издергал кавалеристов, взвинтил всем до предела нервы и чорт знает какими судьбами уцелели он сам и толпа от грозившей в минуты его полета катастрофы.

К моменту посадки Мельника на аэродром приехал начальник гарнизона.

— Что с вами? — спросил он вылезшего из машины Мельника.

— Похоронил... — пробубнил он и рыгнул.

Мельник был пьян. Впервые он сел пьяным в машину.

Через несколько дней состоялся показательный суд.

Мельник был ошеломлен таким поворотом дела. В его мозгу не укладывалось, как это можно судить за полет. Но когда ему прочли тяжелые обвинения и стали задавать вопросы, обращаясь к нему: «Подсудимый!» — он покорно вставал и почти на все вопросы отвечал монотонным баском:

— Виноват... больше не буду...

«Вылет без разрешения. Обязательство не пить. Нарушение устава. Полет в пьяном виде...»

— Виноват... Больше не буду...

— Сознаете ли вы то, что могла произойти жуткая катастрофа в результате вашего полета?

Мельник переспросил:

— Катастрофа?

— Да.

— Катастрофа, говорите? — и засмеялся.

7

После суда Мельника не пустили на аэродром.

Уволили из армии.

У ворот аэродрома дежурный настойчиво требовал пропуск.

— Я Мельник! Понимаешь, я летчик Мельник.

— Не могу, товарищ командир. Ваш пропуск?

Проходящие на аэродром летчики, мотористы, задерживались возле него на минуту. С аэродрома доносился шум первых проб моторов. Пахло бензином.

— Как же так, ребята? А? — растерянно спрашивал их Мельник. Те молча проходили на аэродром. Спешили к машинам. Среди проходящих он узнал своего моториста.

— Шмульков! Как же ты?.. Как же это?..

Шмульков вздрогнул. Застыл. Потом медленно оглянулся назад, увидел своего «хозяина» в непривычной для него, жалкой позе умоляющего, взмахнул рукой и побежал к ангарам.

С тех пор Мельника видели каждый день сидящим на холмике возле ворот аэродрома. Он приходил туда раньше, чем открывают по желобам двери ангаров, садился наземь и так, не изменяя позы, следил за каждым взлетом и посадкой, за движениями в воздухе.

Шли месяцы, а Мельник не изменял своему правилу. После полетов к нему подходили летчики, как ученики к строгому учителю, и ждали оценки. Мельник не дичился. Он охотно делился своим мнением о полете того или иного летчика, которого запомнил по номеру машины или просто по району, над которым летчик совершал высший пилотаж.

Летчики сообщали ему задание очередного полета и просили Мельника проследить за фигурами. И Мельник следил.

Молодые летчики, как влюбленные в воздух птенцы, нередко увлекались, рассказывая о хорошей летной погоде, о технике полета, и тогда Мельник сжимал руку увлеченному полетом птенцу и говорил:

— Помолчи, парень...

И парень смолкал, сознавая, какую боль он причинял Мельнику своей восторженной болтовней,

Пьяным его больше никто не видел.

Говорили, что вечерами он играет на скрипке и рано ложится спать, чтобы встать чуть свет и поспеть на аэродром.

На его глазах расширялись авиационные части: привозили новые гигантские многомоторные самолеты, о которых он когда-то только мечтал, и для всех было понятно тяжелое состояние Мельника. Особенно же болезненно переживал Мельник появление новых тогда самолетов-истребителей Фоккер Д-ХІ. К тяжелым самолетам он относился более спокойно, но вот к этим маленьким он был неравнодушен. Шмульков уже обслуживал Фоккер Д-ХІ и рассказывал ему о качествах нового самолета.

Почти год Мельник жил полетами других.

С первых дней нашего приезда из школы мы были охвачены интересом и уважением к Мельнику и жадно ждали похвал от непревзойденного летчика.

Прошел год.

В один из блестящих для полетов дней к нам на аэродром приехал начальник воздушных сил. О его приезде я узнал со слов товарища, ворвавшегося в общежитие с криком:

— Ребята! Начвоздух приехал и допустил Мельника к полетам.

Всегда готовые к полетам, мы стремглав побежали к аэродрому. На бегу товарищ рассказывал, что командование эскадрильи отлично отозвалось о поведении Мельника, сообщило о его тяжелом моральном состоянии, и начвоздух, учитывая его летные качества, решил вновь принять его во флот.

Мы прибежали на аэродром тогда, когда мотористы, обступив растерявшегося от радости Мельника, наперебой предлагали ему, расхваливая, свои машины. Мельник медлил. В это время через весь аэродром от крайнего ангара бежал Шмульков.

Запыхавшийся, он подбежал к толпе мотористов, протискался к Мельнику и выпалил:

— Прикажешь выводить?

— Выводи, старина! Выводи свой новый Фоккер.

Взлетел.

На громадной скорости он перевернул самолет вверх колесами, прикрыл газ, как бы затаил дыхание машины, и в абсолютной тишине летел в таком положении секунду, другую, третью...

Мельник в эти секунды был похож на классического пловца, который плышет на спине, но плышет так, что не волнует воду и даже не дышит для большей устойчивости и своим искусством приводит в восторг зрителей.

Но каждый знает, что плавание на спине есть предел, что пловец вот-вот встрепенется, взбурлит воду и помчит саженками. Еще секунда, и машина потеряет скорость. Вот уже зарывается нос самолета, угол снижения больше и больше, еще мгновение, и самолет перешел в стремительное пики, молнией пронизывая воздух.

Но это не падение. Так не гибнут. Так умеют волновать зрителя летуны, подобные Мельнику.

Самолет к земле ближе, ближе, ближе, еще сотая доля

секунды, и будет поздно. Я вижу, как у моих друзей сжимаются руки в кулаки и они нетерпеливо и нервно отдергивают их, как бы выбирают воображаемую ручку управления. И в этот миг в трех метрах от земли Мельник взмывает «свечой» вверх.

Я гляжу на лицо начальника воздушных сил, я уже знаю, как он будет реагировать на запретные фигуры, но... я не узнаю начальника. Это было лицо зачарованного зрителя.

Между тем Мельник, взлетев на 700 метров, выравнял машину, разогнал ее и, не теряя времени, стал петлять. Пятая... седьмая... да скоро ли? Выйдя из пятнадцатой петли, он решительно сделал боевой разворот на 180° и, вновь разогнав машину, петлял.

Глядишь, и нет сил оторваться от этого прекрасного зрелища. Радостно за Мельника. Его кувырканье в воздухе напоминает бесшабашных ребятишек, вырвавшихся босиком в первый весенний день на воздух.

Мельник летает.

Мельник — человек. Но он довел свое летное искусство до совершенства, до полного автоматизма движений. Я уверен, он не дарит ни одной секунды на обдумывание движений.

Вот он закончил последнюю петлю и с минуту шел в горизонтальном положении. Но эта минута для него — минута сожалений. Он вероятно вспомнил, что бензину только на сорок минут и что нужно спускаться, нужно идти к земле.

Но разве может Мельник тратить время на снижение? Нет.

Еще один переворот, второй. Еще только один вираж. Вот так. А теперь вниз. Камнем.

Вдали, из-за леса, показался идущий на посадку Фоккер Мельника.

Сел. Мы разминаем спины. Молчим. Восторг сменяется усталостью. Хочется лечь на траву.

9

На рассвете следующего дня готовились к воздушному параду.

Как гигантские пчелы из ульев, выползали самолеты из ангаров. Вокруг них копошились люди, освобождали от чех-

лов и, смахнув с плоскостей ночную пыль, кормили моторы маслом, бензином и водой.

Утренняя заправка. Солнце, ощупывая лучами путь своей и озаряя землю, само еще не успело выбраться из-за леса. По долинам прячется туман. Просыпаются птицы, расправляя крылья.

Возле аэродрома — полевая голубиная станция. Старичок-голубевод с рассвета влезает по лесенке на крышу станции и кормит голубей. Они, поклевав, умываются и умывают друг друга, готовясь к первому утреннему вылету.

Мы вклинились в мир пернатых, приняв их форму, и пернатые примирились с нами. Один за другим пробуждаются моторы. Горючее — кровь мотора — разогревает его: от малого газа к среднему, к нормальной работе.

Загудели моторы.

Летчики проверяют их мощность приборами и по звуку.

Оглушающий шум. Но если отойти подальше и вслушаться в моторный гул, можно уловить в нем музыкальные мотивы. Стоит ворваться перебоем в работу одного мотора, и симфония разом рушится. Даже на земле, пробуя моторы, летчики реагируют на перебои с такой же молниеносной быстротой, как в воздухе.

Глаза и пальцы с быстротой жалящей змеи облетают приборную доску.

Опробовав моторы, мы вырулили на старт. До парада оставалось полчаса. Выключили моторы, летчики вылезли из машин и легли на траву. Отдых перед вылетом — благодать.

— Товарищ командир, — спросил один из нас молчаливо отдыхавшего тут же командира эскадрильи, — а разве Мельник не будет участвовать в параде?

— Мельник? — переспросил командир. — Мельник того... Погиб Мельник.

— Как погиб? — замерли в ожидании ответа.

— Вчера после полета он устроил небывалый кор-де-балет. То ли от радости, то ли чорт его знает от чего, ну одним словом, летаючи, сковырнул, видно, наболевший за год чирый и... прорвало. Ночью запил. Устроил дебош, избил милиционера, собрал ватагу пьяниц, выгнал из трамвая вагоновожато-го и публику и пытался, видно, объехать весь мир...

К нашей группе подходили летчики других эскадрилий, техники и мотористы. Среди них был и Шмульков в синем замасленном комбинезоне, с ключами в руках. Он только что осмотрел мотор и теперь настороженно вслушивался в слова командира.

Командир смолк.

Ошеломленные его сообщением, мы молча переглядывались. Летчики привыкли к объяснению без слов в оглушающем шуме мотора. Так обычно переглядываются летчик с летчиком-наблюдателем, когда, подлетая к своему аэродрому, внезапно заметят на нем распростертую навзничь машину.

Тогда без слов понятны их взгляды:

—... на гладком месте...

... на своем аэродроме...

... на мягкой травке...

... и «разложить»¹ машину...

Но сейчас в этих взглядах не только обида.

Так, когда в воздушном строю приближаешься к населенному пункту, инстинктивно летчики подтягивают самолеты к ведущему, плотнее прижимаются к нему, и каждый чувствует, что с земли смотрят тысячи глаз. И вот один из строя — отстает. Вначале думаешь: «сдал мотор», — невольно глянешь за него вниз и, заметив посадочную площадку, — успокоишься. Но отстающий самолет не снижается. Значит, мотор тянет. А город все ближе и ближе. Так почему же он идет один? Или не догадается дать больше газ, или перегрел мотор, или просто упрямится?

Вот тогда все летчики и летнабы оглядываются назад, машут ему руками, зовут к себе, и если это не помогает, то летчики-наблюдатели, имея возможность встать во весь рост (чтобы заметнее было), — встают и неистово грозятся кулаками в сторону одиночки.

Летчики, заметив Шмулькова, обрушились на него, словно он был виновен в поступке Мельника:

— Слыхал?

— Вот она, хваленая воля!

— Дождался хозяина?

— Ты бы ему самолет к ресторану доставил.

¹ Специфическое выражение: „разложить“ — значит разбить.

— Летал как «бог», а ходить по земле не научился.

Шмульков, озираясь по сторонам, переключивал в руках ключи.

— Товарищи, так я ведь что... — робко отвечал он. — Так я ведь тоже... верил...

Беседа была прервана певучей командой в рупор:

— По са-мо-ле-там!

Тридцать самолетов по звеньям взлетели, взбудоражив воздух.

Все самолеты как один. Это был парад советской авиационной промышленности. Каждый винтик мотора, каждая часть самолета-разведчика советского производства. Мы настороженно вслушивались в работу моторов заводов «Икар» и «Большевик» и с каждой минутой все больше и больше убеждались в победе наших самолетов.

1400...

1500...

1600...

1700 оборотов.

Гул. А прислушаешься, уловишь чудесные музыкальные мотивы. Четкость воздушного строя и отличная работа моторов, а в голове обрывки мыслей:

«Мельник! Босьяк ты, что верно, то верно!»

Он пробрался на старт ко второму вылету.

В старенькой кожаной куртке, с котомкой за плечами. За ним бежал дежурный по аэродрому, что-то кричал, но слова не долетали. Шум работающих на старте моторов мешал.

Молча подошел Мельник к группе летного и технического состава, молча пожал каждому руку, отыскал взглядом недоумевающего Шмулькова и как-то неожиданно торопливо поцеловал его.

Тишина. Даже моторы смолкли, отработав последние капли горючего.

Перед Мельником стояли десятки похожих друг на друга молодых летчиков. Многих он не знал по фамилиям, так же как не мог запомнить по номерам многочисленные самолеты эскадрилий.

И в наступившей внезапно тишине Шмульков порывисто схватил за плечи Мельника, встряхнул его, словно разбудить хотел, глаза его налились несвойственной ему злобой, и он сквозь зубы процедил:

— Ээх ты...

Мельник неестественно передернулся, как бы поправляя сползавшую котомку, быстро повернулся и ушел.

Через несколько минут был дан старт второму вылету. За полетами наблюдали только техники, мотористы и дежурный по аэродрому. Весь же состав летчиков, летчиков-наблюдателей и командиров был в воздухе. Отстающие самолеты на полном газе догоняли строй эскадрильи, и они, все плотнее и плотнее прижимаясь к ведущему самолету, прошли над аэродромом мощным, полным симметрии воздушным коллективом.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66